

ЧЕРНОСОТЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1901–1917 гг.*

И. В. Омелянчук

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Поступила в редакцию 20 мая 2015 г.

Аннотация: *исследованы возникновение и эволюция черносотенного движения в Российской империи, основные монархические организации, их социальный состав, размещение, численность, взаимоотношения с правительством.*

Ключевые слова: *Российская империя, черносотенное движение, монархические организации, консервативная идеология.*

Abstract: *this article studies the emergence and evolution of the Black Hundred movement in the Russian Empire, the main monarchist organizations, their ideology, social structure, placement, the number of members, relationship with the government.*

Key words: *the Russian empire, the black hundred movement, monarchist organization, conservative ideology.*

Словосочетание «Черная сотня» и прилагательное «черносотенный» стали весьма употребительны в политической лексике с начала XX в., с момента появления одноименного политического движения, ставившего своей целью сохранение самодержавия в Российской империи. С этого же времени в общественном сознании правдами и неправдами утверждается и негативный семантический смысл этих понятий, прочно связанный с погромами, убийствами и самой оголтелой махровой реакцией и обскурантизмом, что не соответствует исторической действительности.

Название «Черная сотня» дошло до нас из глубины веков. Традиционно в средневековой Руси для удобства управления и сбора податей городское торгово-ремесленное население делилось на сотни. Существовали высшие купеческие (Гостиная, Суконная и др.) и низшие посадские сотни. Последние объединяли, как правило, торговцев и ремесленников одной специальности, проживавших в одном или нескольких соседних кварталах и обладавших правом самоуправления. Посады и слободы, платившие подати непосредственно в государеву казну именовались «черными», в отличие от «белых», находившихся в феодальной собственности и плативших подати своему владельцу.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-11-33002.

© Омелянчук И. В., 2015

Таким образом, изначально под «черными сотнями» подразумевались торгово-ремесленные корпорации посадских людей, несущих на своих плечах государство тягло. В Смутное время (1605–1612 гг.), когда под угрозой оказалось само существование Русского национального государства, именно посадское население составило основу Второго ополчения, освободившего Москву от польских интервентов и восстановившего русскую династию на московском троне. В начале XX в., когда зашаталась устои самодержавия, возникшие в Российской империи многочисленные монархические союзы и организации приняли название «Черная сотня», надеясь спасти монархию, как в Смутное время это сделало ополчение Минина.

Политические оппоненты правых использовали словосочетание «Черная сотня» в качестве бранного ярлыка. Но сами монархисты не отказывались от этого наименования, считая его почетным, и усматривали прямую связь между народным ополчением 1612 г. и консервативными партиями начала XX в. Так, один из авторов черносотенных «Московских ведомостей» писал: «...я считаю за честь, что я принадлежу к «черной сотне», с гордостью беру на себя бросаемое вами нашей партии название «черносотенца» и надеюсь носить его с честью» [1, 1906, 1 янв.].

Первой общественной организацией, вставшей на защиту монархии, стало «Русское собрание» (РС), официально «открывшее свои действия» 26 января 1901 г. В его составе доминировали представители столичной интеллигенции с аристократическими корнями и высшего чиновничества. На начальном этапе своего существования РС не ставило перед собой политических задач, сосредоточив свои усилия на культурно-просветительской деятельности. Но усиление революционного движения побудило «Собрание» прийти «на помощь ясно осознаваемой всеми русскими людьми потребности объединения для дружного отпора все растущей смуте» [2, с. 195] и стать полноценной политической партией. В 1903 г. РС получило разрешение МВД на открытие филиалов, первый из которых был создан в Харькове. Всего действовало 18 отделов «Собрания», расположенных преимущественно на окраинах империи (Одесса, Киев, Вильно, Радом и др.). В правом лагере РС играло роль интеллектуального штаба вплоть до января 1914 г., когда в силу ряда причин оно вновь отказалось «от участия в жизни политических партий и возвратилось к своему первоначальному уставу» [3, т. 1, с. 12].

Вслед за правой интеллигенцией в рамках созданного в Москве в апреле 1905 г. Союза русских людей (СРЛ) объединились и дворяне [4, с. 361]. С ноября 1905 г. этой организацией руководил А. Г. Щербатов, который пользовался известным авторитетом в правом движении и был избираем почетным председателем нескольких региональных и всероссийских монархических съездов, чего нельзя сказать про сам Союз. Он остался достаточно формальным объединением московских интеллектуалов славянофильского толка, не имеющим значительного политического веса. Единого руководящего органа

СРЛ не имел, поэтому связь между отделами была весьма условной. Со временем почти все местные организации Союза выработали собственные уставы, став самостоятельными. Одновременно с СРЛ «для борьбы с боевой партией конституционалистов» возникла и Русская монархическая партия (РМП) [1, 1905, 8 окт.]. Организационным центром ее формирования стала газета «Московские ведомости», редактируемая В. А. Грингмутом, ставшим председателем партии. В течение 1906–1907 гг. были открыты несколько десятков местных отделов, некоторые из них, например Киевский, стали впоследствии самостоятельными. С 1908 г. РМП была переименована в Русский монархический союз (РМС).

Вышеназванные партии представляли собой достаточно элитарные объединения, поэтому в правых кругах после опубликования манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего политические свободы и введившего в государственный механизм империи новый представительный орган власти – законодательную Государственную Думу, зародилась мысль о создании массовой всесословной партии, которая не только будет обладать серьезным электоральным потенциалом для проведения в Думу правых депутатов, но и сможет противостоять нарастающей революции «на улице». Первое заседание организации, получившей название «Союз русского народа» (СРН) и ставшей лидером черносотенного монархического движения, состоялось 8 ноября 1905 г. в Санкт-Петербурге. У истоков ее стояли архимандрит Арсений, детский врач А. И. Дубровин, адвокат П. Ф. Булацель, купчиха Е. А. Полубояринова, инженер А. И. Тришатный, помещик В. М. Пуришкевич. Председателем Союза стал А. И. Дубровин.

По сравнению с созданными ранее черносотенными организациями в СРН была значительно упрощена процедура приема новых членов и существенно снижена сумма членских взносов, что способствовало увеличению численности организации за счет низших слоев населения. В обзоре политических партий, найденном среди бумаг бывшего товарища министра внутренних дел Б. В. Курлова при обыске в 1917 г., говорилось: «Между... большими союзами раскинулась масса отделов и подотделов, до сельских включительно, и через них Союз русского народа, единственная политическая партия в России, имеет соприкосновение с действительною массою простого серого люда. Вот в чем кроется и действительная сила Союза, и его живучесть» [5, с. 106].

В 1905 г. во многих регионах страны под воздействием революционных событий возникли местные контрреволюционные организации. Большинство из них оказалось «однодневками», быстро сойдя с политической сцены, некоторые после создания СРН вошли в его состав. Так, Курская народная партия порядка была преобразована в отдел СРН, а «Любарское общество людей, преданных престолу и отечеству» (Волынская губерния) влилось в Житомирский отдел Союза. Целый ряд региональных правых организаций вошли в состав СРН на правах местных отделов, сохранив при этом свое название, как,

например, Астраханская народно-монархическая партия или Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия. Некоторые региональные правые организации не только сохранили самостоятельность, но и расширили свои действия на соседние губернии, открыв там свои отделы, например Киевский «Двуглавый орел». А созданное в 1906 г. в Киеве «Содружество патриотических русских рабочих», впоследствии переименованное в Союз русских рабочих (СРР), вообще превратилось во всероссийскую организацию, имея свыше 20 региональных отделов (в том числе и в Петербурге), численность которых составляла не менее 30 тыс. человек.

С целью привлечения на свою сторону возможно большего числа сторонников, черносотенцы создавали различные профессиональные объединения, не ставившие перед собой каких-либо политических целей. Так, в Житомире местным отделом СРН создана «Трудовая артель сапожного дела русских мастеров» [6, ф. 442, оп. 862, д. 90, л. 11]. При Московском отделе Союза действовала артель обойщиков, драпировщиков и столяров [7] и т.п.

Учебные заведения, в особенности университеты, стали также ареной политической борьбы, в которой главным оружием революционного студенчества были забастовки. Консервативные же силы в университетской среде выступали против прекращения занятий, за «академический порядок». Поэтому монархические студенческие организации, действовавшие в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани и других городах, получили общее название «партий академического порядка». Впоследствии большинство этих партий вошло в состав Всероссийского национального студенческого союза (ВНСС), устав которого был утвержден 30 сентября 1909 г. [8, с. 44, 121].

Наличие множества социальных перегородок в русском обществе способствовало возникновению различных правых организаций, выражающих консервативные политические устремления той или иной социальной группы. Существовали сословные («Кружок дворян, верных присяге»), молодежные («Двуглавый орел»), женские («Общества русских женщин»), спортивные («Русский богатырь»), религиозные («Союз старообрядцев за Веру, Царя и Народность») и другие монархические организации. Если сословные организации вскоре прекратили свое существование, оказавшись не в состоянии активно влиять на политические процессы в силу узости своей социальной базы, то правые организации, созданные по профессиональному признаку, действовали более успешно (во всяком случае, в начальный период их существования), отражая давно назревшую потребность в создании профессиональных союзов, регулирующих взаимоотношения труда и капитала.

Практически сразу были предприняты попытки консолидации черносотенного движения. Первые шаги в этом направлении сделала РМП, ставшая инициатором объединения правых организаций под эгидой созданного в Москве в январе 1906 г. Всенародного русского союза (ВРС), в состав которого вошли 22 организации [1, 1906, 12 янв.; 3, с. 655; 9, л. 173], «исповедующие

православную веру, нерушимость самодержавной власти государя и единство Русской земли» [1, 1906, 6 янв.]. Устав Союза, зарегистрированный 26 августа 1906 г., содержал только самые общие положения, которые не могли бы вызвать споров между различными правыми организациями на почве идеологии: «а) Манифестом 17 октября не введена конституция, и самодержавная власть остается в силе; б) Россия составляет одно нераздельное целое под властью Неограниченного Самодержавного Царя; в) ни под каким видом или наименованием не должен быть допущен созыв учредительного собрания» [9, л. 168]. Но даже такое весьма условное объединение монархических организаций оказалось нежизнеспособным и, по сведениям МВД, в ноябре 1906 г. ВРС прекратил свою деятельность [9, л. 181].

Эстафету подхватило «Русское собрание», объединявшее в своих рядах лучшие интеллектуальные силы монархистов. В феврале 1906 г. в Петербурге был проведен съезд этой организации, в котором приняли участие и другие монархические союзы. Съезд принял платформу соглашения между правыми партиями и наметил форму объединенных местных организаций. Спустя два месяца в Москве состоялся II Всероссийский съезд Русских людей (первым стал считаться съезд РС). Этот съезд не решил проблемы объединения правых, но, тем не менее, был заложен фундамент для следующего III съезда Русских людей, состоявшегося в Киеве в октябре 1906 г. На этом съезде принято решение о создании координационного органа правых – главной управы Объединенного русского народа. В нее вошли А. И. Дубровин от СРН, М. Л. Шаховской от «Русского собрания» и кооптированный ими протоиерей И. И. Восторгов, представлявший РМП и Всенародный русский союз [4, с. 420]. Но так как не все организации согласились беспрекословно подчиниться единому центру, то было решено, что «деятельность управы не должна носить властный характер, сообщаемые ею местным организациям предположения исполняются последними только в случае, если они ими одобрены» [10, с. 184]. На местах создавались аналогичные коалиционные объединения – губернские управы. «Наиболее целесообразной» делегаты съезда признали программу СРН, постановив, что она «должна быть разослана для ознакомления с нею всем единомышленным организациям, в надежде, что они сами постепенно к ней присоединятся» [10, с. 186]. IV съезд Объединенного русского народа (Москва, апрель 1907 г.) постановил, что «ввиду преобладающего значения СРН... союзу этому предоставляется забота о возможном объединении остальных монархических организаций» [4, с. 425].

Чтобы сделать более привлекательным объединение с СРН, всем организациям, вступающим в Союз, разрешалось сохранять свои названия и уставы. При этом в своей деятельности главный Совет СРН должен сообщать «свои решения и предложения своим отделам к исполнению, а другим монархическим организациям лишь к сведению, предоставляя им свободу присоединяться от своего имени к действиям СРН» [11, 25 мая]. Получив такой карт-бланш,

Союз начал постепенно занимать доминирующее положение в областных управах Объединенного русского народа. В июле 1907 г. съезд председателей отделов СРН принял решение превратить местные коалиционные Управы в губернские советы СРН, поставив ассоциированные с Союзом региональные организации перед выбором: либо окончательно влиться в СРН, либо пытаться противостоять революции в одиночку, рискуя оказаться на обочине политического процесса. Наиболее активно против организационной экспансии СРН выступили киевские и московские монархисты. Лидер последних И. И. Восторгов в декабре 1907 г. выдвинул свой проект объединения правых сил, согласно которому монархический лагерь должен возглавить реанимированный для этой цели Всенародный русский союз, уже более года бездействовавший. И. И. Восторгов предложил А. И. Дубровину пост постоянного председателя Совета ВРС [12, с. 129–130]. Но этот проект А. И. Дубровиным был отклонен.

Если в период Первой русской революции правительство весьма лояльно относилось к правым партиям, видя в них надежных союзников в борьбе с освободительным движением, то после третьеиюньского переворота союз власти с монархистами практически распался. Причины этого лежат сразу в нескольких плоскостях: во-первых, ортодоксальные правые «дубровинского» толка не вписывались в политическую систему «думской монархии» в силу их неприятия парламентаризма; во-вторых, курс правительственных реформ, направленных на укрепление капиталистических отношений в экономике страны, в том числе и в сельском хозяйстве, противоречил как экономическим интересам правых, так и их традиционалистской ментальности; в-третьих, черносотенцы отнюдь не были абсолютно лояльны к Петербургскому «бюрократическому режиму», объявив его главным препятствием, мешающим единению царя с народом, и предлагая различные способы его реформирования, заслужив тем самым прозвище «революционеров справа».

Правительство в свою очередь не упустило возможности воспользоваться внутренним конфликтом в правом лагере для его ослабления. Во время избирательной кампании в III Думу умеренная часть Союза, возглавляемая В. М. Пуришкевичем и И. И. Восторговым, согласилась «с предложением бюрократии проводить в Государственную Думу октябристов» [3, т. 1, с. 577] (т.е. вступить с ними в предвыборную коалицию). Главный Совет СРН во главе с председателем А. И. Дубровиным в ответ запретил отделам СРН вступать в блок с «партиями, стремящимися к ограничению Царского Самодержавия» и отказался от использования на выборах правительственных денег, «так как правительство не имеет нравственного права тратить народные деньги, дабы создать при помощи Союза русского народа октябристскую Думу» [13, ф. 116, оп. 1, д. 1, л. 11–11 об.]. Тактические разногласия были усугублены личным конфликтом между А. И. Дубровиным и В. М. Пуришкевичем, претендовавшим также на лидерство. Следствием этого стал выход последнего из СРН и

появление в ноябре 1907 г. новой партии – Русского народного союза имени Михаила Архангела (СМА), созданием которого В. М. Пуришкевич, выполняя «заказ» правительства, пытался приспособить правую организацию к политической деятельности в условиях «думской монархии». Но несмотря на правительственную поддержку СМА, учрежденный как парламентская партия, даже не смог создать в Думе собственной фракции. Да и полноценной заменой Союзу русского народа СМА так и не стал. Его численность была на порядок ниже, количество выданных членских билетов не превысило 20 тыс. [14, с. 185].

Если раскол СРН 1907 г. и создание СМА стали следствием личного конфликта в руководстве Союза, то раскол СРН 1909 г. имел более глубокие, социальные причины. Входящие в состав Союза представители высших слоев, в первую очередь помещики, образовали так называемое «обновленческое» течение, примирившееся с существованием третьеиюньской политической системы, символами которой стали Государственная Дума и аграрная реформа П. А. Столыпина. Лидерами «обновленцев» стали Н. Е. Марков 2-й и С. А. Володимиров, к которым присоединился и В. М. Пуришкевич. На противоположной стороне оказались входившие в состав СРН представители среднего и бедного крестьянства, недовольные столыпинской политикой разрушения общины, в которой они видели эффективный инструмент своей социальной защиты, рабочие (в большинстве своем недавние выходцы из деревни), оказавшиеся «пасынками» правительства, представители мещанства, которому не было места в социальной системе капиталистической России, а также часть интеллигенции с традиционалистским мировоззрением. Характерной чертой этого течения, возглавляемого А. И. Дубровиным, стало неприятие третьеиюньской политической системы, являющейся институциональным выражением Государственной Думы. Летом 1909 г. сторонники Н. Е. Маркова 2-го обновили состав главного Совета СРН и добились в нем численного преобладания (отсюда и термин «обновленцы»), а А. И. Дубровин, сложивший с себя в июне 1910 г. обязанности председателя, стал инициатором создания новой организации – Всероссийского Дубровинского СРН, конституированного в ноябре 1911 г. Между двумя партиями началась борьба за контроль над региональными отделами. Большинство низовых организаций встали на сторону А. И. Дубровина. «Марковский» Главный Совет СРН не нашел ничего лучшего, как закрыть не желающие подчиняться отделы. «Дубровинцы» в ответ превращали филиалы Союза в самостоятельные организации («Тверской СРН», «Ковровский СРН» и др.) с последующим подчинением их ВДСРН.

Большинство монархистов считало, что расколы в Союзе были инспирированы П. А. Столыпиным, стремившимся превратить умеренную («обновленческую») часть Союза в лояльную к власти партию парламентского типа, а крайне правую «дубровинскую» (не вписавшуюся в третьеиюньскую политическую систему) – в политических маргиналов, не способных дестабилизиро-

вать режим «думской монархии». Даже Н. Е. Марков впоследствии утверждал, что П. А. Столыпин «всячески через своих подчиненных поддерживал рознь в Союзе», правда отрицая при этом, что симпатии главы правительства были на стороне «обновленцев» [15, т. 6, с. 194–195].

Нейтрализуя опасного неконвенционального противника в лице СРН, правительство не оставляло надежд на создание влиятельной проправительственной монархической партии парламентского типа для защиты своих интересов в Думе («партии власти»). Летом 1908 г. на базе думской фракции националистов был конституирован Всероссийский национальный союз (ВНС), председателем которого был избран С. В. Рухлов. Близкая по взглядам к националистам фракция умеренно-правых стала основой для создания летом 1909 г. одноименной партии, председателем которой стал П. Н. Балашов. Если мнения исследователей о роли правительства в создании этих политических структур разделились, то влияние П. А. Столыпина на их последующее сближение практически не оспаривается. Во всяком случае в январе 1910 г. умеренно-правые и националисты объединились в рамках ВНС, занявшего откровенно проправительственную позицию. Председателем Союза стал П. Н. Балашов. Основное отличие умеренно-правых националистов от крайне правых заключалось в признании ими парламентаризма в качестве принципа государственного строительства. При этом программа ВНС провозглашала одновременно и неизбежность законодательной власти самодержавного царя. В составе Союза ведущую роль играли представители высших слоев, в первую очередь националистически настроенные русские помещики и интеллигенция Юго-Западных окраин империи. Однако в преддверии выборов в IV Думу руководство ВНС взяло курс на расширение партийных рядов путем массового открытия провинциальных отделов. Но, несмотря на предпринятые усилия, националисты так и не смогли стать «народной» партией. Тем не менее, благодаря поддержке правительства и наличию в рядах партии представителей интеллектуальной и финансовой элиты, националистам удалось оказать существенное влияние на результаты думских выборов и соответственно на работу самой Думы.

«Вотчиной» монархических партий стали юго-западные окраины империи, где социально-экономические проблемы, характерные для всей территории страны, дополнялись острыми этно-конфессиональными противоречиями. В первую очередь это борьба за землю между польскими помещиками-католиками и православными крестьянами, а также экономическое противостояние между православными крестьянами и еврейскими торговцами-посредниками. В обоих случаях монархические партии стояли на стороне местного крестьянства, что обусловило его активное участие в черносотенном движении.

Еще одним «доменом» правых стали губернии нечерноземного центра России, где на сторону «Черной сотни» встали в основном представители сред-

них и низших городских слоев (в том числе и рабочие), чье благосостояние было подорвано революционными событиями 1905–1907 гг. В. И. Ленин главной причиной таких консервативных настроений рабочих «исконно русских» губерний не без оснований считал «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные массы рабочих, но менее порвавшие связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах; и большая удаленность от заграницы; и отсутствие национальной розни» [16, т. 11, с. 313]. После спада революционной волны черносотенное движение в центральных областях России начинает терять сторонников, не видевших смысла в активной политической деятельности после поражения революции. В окраинных же губерниях, в особенности на юго-западе, численность монархических организаций продолжала увеличиваться вплоть до начала Первой мировой войны, так как уровень политизации населения здесь не снижался, подпитываемый постоянно тлеющими социально-экономическими конфликтами с ярко выраженной этно-религиозной окраской.

Черносотенцы стали самым массовым политическим движением в России в период между двумя революциями. Один из лидеров «Русского собрания» Н. А. Энгельгарт в начале 1906 г. писал: «Черносотенное движение разливается по стране неудержимым половодьем» [17, с. 192]. По подсчетам С. А. Степанова (на наш взгляд, несколько заниженным), к 1907 г. в 2208 населенных пунктах Российской империи действовало 2229 отделов различных монархических организаций (из них 2124 отдела СРН) [18, с. 193]. Они насчитывали в своих рядах около 410 000 человек (из них 358 758 членов СРН) [19, с. 106]. Причем Главный Совет Союза давал иное количество отделов – «более 4000» [20].

Причиной массовости черносотенства, как, впрочем, и других политических движений в России начала XX в., стало наличие многочисленных маргинальных (занимающих промежуточное положение) социальных групп, возникших в результате глубоких социальных изменений, вызванных бурным ростом промышленности и урбанизацией страны. В первую очередь, это переселившиеся в города крестьяне и разночинная интеллигенция. Эти слои населения, в силу неустойчивости своего положения и вызванного этим социального беспокойства, были особенно политически активны. Те из них, кого устраивал нынешний, с таким трудом приобретенный, но непрочный статус, для его сохранения стремились к твердому порядку и стабильности, что и привело их в черносотенный лагерь. Те же представители маргинальных групп, которые испытывали неудовлетворенность своим положением, оказались на стороне оппозиции. Модернизационные конфликты, обострившиеся в российском обществе в начале XX в., в первую очередь кризис идентичности (потеря привычных духовных ориентиров), кризис участия (смена привычных форм вовлечения населения в политический процесс) и, в меньшей степени, кризис легитимности (несоответствие целей и ценностей правящего режима с пред-

ставлениями граждан), повышали уровень политизации населения и способствовали рекрутированию в ряды «Черной сотни» адептов традиционализма.

Известный американский социолог П. А. Сорокин считал, что основной причиной всех революций является подавление базовых инстинктов (потребностей) человека, в первую очередь инстинктов самосохранения, собственности, свободы и др. Если первая фаза революции имеет своей целью немедленное удовлетворение наиболее угнетенных из них, то вторая сопровождается нарастанием подавления базовых инстинктов человека. В результате появляется «усталость» от революции, а «требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка, хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции» [21, с. 272, 293, 283]. Естественно, что социальной базой контрреволюции стали те социальные группы, у которых число подавленных революцией базовых инстинктов превысило число удовлетворенных ею. Такие группы существовали во всех слоях населения Российской империи, что и обусловило всеобщий социальный состав черносотенных союзов и организаций.

Революционное движение своей пропагандой не могло не затронуть свойственные традиционному обществу архетипы общественного сознания и основанные на них социальные нормы. Их насильственное разрушение порождало социальный страх, беспокойство, а также вызывало проблемы самоидентификации личности, ее привязки к какой-либо устойчивой социальной группе, к каким-либо абсолютным ценностям, следствием чего явился рост национализма как наиболее простого способа идентифицировать себя с достаточно стабильным социальным образованием (нацией).

Среди базовых структур сознания, подвергшихся наиболее мощному давлению со стороны революционно-освободительного движения, в первую очередь, следует выделить архетип «Святой Руси», лежащий в основе менталитета почти 100 миллионов православных подданных империи. Архетип «Великой державы» был атакован и русской революционной пропагандой, и окраинными национальными движениями. Сыграло свою роль и поражение в Русско-японской войне, задевшее национальное достоинство русского человека. Критика в адрес института самодержавной монархии и самого императора, традиционно в России выполнявшего патронажную функцию по отношению к низшим слоям населения, стремилась разрушить архетип «Царя-батюшки». Такое вторжение революционной пропаганды в тонкие психические структуры человека порождало иногда обратную реакцию, создавая тем самым почву для появления консервативного политического движения, среди идеологических приоритетов которого значились «нация», «государство» и «порядок» (сохранение привычного уклада жизни). Обращение правых к основным архетипам русского национального сознания, нашедшим свое отражение в уваровской формуле «Православие, Самодержавие, Народность» позволило монархистам создать всеобщее политическое движе-

ние, объединившее в своих рядах несколько десятков различных политических и общественных организаций.

Однако массовость черносотенного движения, к которой так стремились монархисты, имела и свою оборотную сторону. Разнообразие властно значимых интересов различных слоев общества, представленных в этом движении, затрудняло выработку единой политической линии, которую поддержали бы представители всех социальных групп, входивших в правый лагерь, и не позволило черносотенцам сохранить организационное и идеологическое единство. Среди факторов, препятствовавших консолидации консервативного лагеря, можно назвать также личные амбиции его лидеров и позицию правительства, стремившегося втиснуть черносотенство в «прокрустово ложе» третьеиюньской политической системы.

Существовавшая в советской историографии марксистская система типологии политических партий наталкивалась на известные трудности в отношении черносотенных организаций. Если же воспользоваться классификацией, предложенной З. Ньюменом, то правые партии можно отнести к доктринальному типу, в деятельности которого доминирует защита чистоты своих идеалов и принципов. Учитывая то, что в рядах оппозиции были также партии доктринального типа (в первую очередь социалистические), то становится очевидной объективная обусловленность нарастания конфликтности политического процесса в России начала XX в.

По типологии М. Дюверже, в рядах черносотенного движения были партии двух типов: кадровые (сформированные «сверху» на базе парламентских объединений и групп давления, ориентированные на участие в них только профессиональных политиков) и массовые (сформированные «снизу», с возможным участием профессиональных политиков, как правило, артикулирующие интересы определенных социальных слоев). К кадровым черносотенным партиям можно отнести ВНС и «Русское собрание», типичным образцом массовой партии стал СРН.

По способу социального действия в черносотенном лагере были представлены как минимум два типа политических партий: консервативные («Русское собрание», СРЛ, РМП, СРН и др.) и праворадикальные («Двуглавый орел» и «Общество активной борьбы с революцией и анархией»). Учитывая, что ВНС был достаточно последователен в вопросе проведения реформ, то его, с известной натяжкой, можно отнести к умеренно-реформистским партиям. Если же в основание классификации положить идеологический принцип, то все черносотенные организации, в том числе и ВНС, следует отнести к правому крылу российской партийной системы.

Несмотря на обилие программных установок монархических партий, можно выделить их общие положения, составляющие ядро идеологии черносотенного движения. Главные духовные ценности, лежавшие в основе «русского государственного строения и народного быта», по мнению правых,

наиболее полно выражались известной формулой графа С. С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Трактовка первой и второй ее составляющих не вызывает сомнений: усиление ведущей роли православной церкви в общественно-политической и духовной жизни страны и сохранение (или после манифеста 17 октября, даже восстановление) самодержавной власти монарха. В понятие «народность» вкладывался уже двойкий смысл, с одной стороны, оно означало сохранение русской национальной идентичности («самобытности»), т.е. попросту русский национализм, а с другой – тесное единение царя с народом, т.е. своеобразный патриархальный демократизм (по словам В. И. Ленина, «самый грубый, но и самый глубокий» [16, т. 24, с. 18]), который, по мнению правых, должен вновь стать характерной чертой политической системы России. Ныне общепризнано, что одним из показателей эффективности всякой политической системы является наличие обратной связи между обществом и властью. Именно эту связь и пытались создать монархисты, выступая за «тесное единение царя с народом». Правда, в вопросе о способах осуществления этого единения монархисты так и не смогли прийти к единому мнению. Все основные положения идеологии правых вытекали из вышеизложенных.

Объективно социальная база консервативной (черносотенной) идеологии была очень узка – помещики, государственная и церковная бюрократия. Однако обращение правых к православной идее, глубоко укорененной в менталитете русского народа, принесло им немалые политические дивиденды и существенно расширило их электорат, сделав движение всесословным. Главной задачей государства в области церковной политики правые считали восстановление авторитета православной церкви, во многом утраченного за два предыдущих столетия, и усиление ее роли в общественно-политической жизни страны. Для этого следовало возродить патриаршество и ввести мирское выборное начало в церковное самоуправление, чтобы восстановить утраченное единство клира и мирян, и освободить церковь от опеки государства. Отношения же между государством и церковью должны, по мнению монархистов, строиться на основе равноправного союза, упрочить который предполагалось созданием связующего звена – прихода, который должен был сочетать в себе и духовные, и административные функции.

Краеугольным камнем черносотенной идеологии стало положение об исторической обусловленности самодержавия в России, являвшегося необходимой и лучшей формой проявления государственного бытия русского народа, обеспечивающей само существование русского национального государства и осуществление им его всемирно-исторической миссии. Главное преимущество самодержавия перед другими политическими системами, по мнению правых, заключается в том, что монархия основана на нравственном законе, данном непосредственно Богом, а конституционное государство – на юридических нормах, созданных человеком, которому, как известно, свой-

ственно ошибаться. Важным достоинством самодержавной монархии правые считали также независимость Верховной власти от различных политических сил (в отличие от главы конституционного государства, избранного при содействии конкретных групп интересов), что позволяет ей в равной мере защищать интересы всех социальных слоев, не отдавая преимущество ни одному из них.

Несмотря на категорическое неприятие принципа парламентаризма, вступившего в противоречие с неограниченным самодержавием, отношение правых к представительным органам не было однозначно отрицательным, ибо третий член уваровской формулы – «народность», понимаемый как единение царя с народом, по-прежнему оставался краеугольным камнем идеологии русских монархистов. Для восстановления этого единения, утраченного в «Петербургский» период, часть правых предлагала возродить Земский собор, надеясь тем самым еще и перехватить инициативу у оппозиции, требовавшей привлечения общественных сил к государственному управлению. Другая же часть монархического лагеря выступала против реанимации этого учреждения, с одной стороны, опасаясь постепенного превращения Земского собора в полноценный парламент, а с другой – указывая, что изменившиеся социально-экономические условия просто не позволят воссоздать его в прежнем виде. После манифеста от 17 октября 1905 г., будучи вынужденными признать существование созданной волей монарха законодательной Государственной Думы, российские консерваторы не оставляли надежд на ее ликвидацию или превращение в законосовещательный орган, выдвигая соответствующие проекты, суть которых, как правило, сводилась к созданию народного представительства, не посягающего на прерогативы самодержца и представляющего собой адаптированный к современным условиям вариант Земского собора. Со временем повеление русского общества, а также позиция верховной власти, склоняющейся к использованию элементов конституционализма в своей политической практике, обусловили постепенную коррекцию взглядов консерваторов, признавших (хотя и с определенными оговорками) целесообразность наличия в политической системе России представительного органа власти с законодательными полномочиями и направивших свои основные усилия на изменение избирательного законодательства с целью обеспечения лояльности к самодержавию депутатского корпуса.

Если все правые в конце концов признали легитимность представительного органа в России, споря только о его полномочиях, то существование политических партий так и осталось, по мнению большинства монархистов, «незаконным», так как достижение любой партией своей цели (получение политической власти) означало ограничение прерогатив самодержца. Себя же черносотенцы не относили к политическим партиям, оставляя за собой роль «голоса всей земли», и конечной целью своей деятельности провозглашали сохранение всей полноты политической власти за монархом.

Большинство правых публичных политиков, а вместе с ними и широкие партийные массы, стремясь сохранить существующую политическую систему России, особо не задумывались над необходимостью ее модернизации. Но среди идеологов правых были и те, которые признавали недостатки существующего строя и настаивали на его изменениях, результатом которых должно было стать возвращение к «истинному самодержавию». Некоторые проекты преобразований, предлагаемые монархистами, были вполне адекватны проблемам, стоявшим перед Российским государством. Так, весьма своевременными и прогрессивными являлись идеи разделения властей и повышения роли местного самоуправления, отстаиваемые Л. А. Тихомировым [22] и С. Ф. Шарповым [23]. Многие предложения Д. И. Иловайского (многоступенчатые выборы, превращение Госсовета в верхнюю палату парламента, введение в него членов по выбору, создание должности главы правительства) [24] были реализованы в законодательных актах конца 1905 – начала 1906 г.

Тем не менее правые получали голоса на выборах не за проекты реформ, а за свое стремление сохранить политическую систему России неизменной. Поэтому особой активности в продвижении идей «творческих консерваторов» (подробнее о них см. работу А. В. Репникова [25, с. 43]) монархисты не проявили. Поскольку социально-экономическое развитие страны требовало реформ, на которых настаивали оппоненты правых, то со временем черносотенцы стали терять голоса и тех, которые поняли необходимость изменений, и тех, которые убедились в неспособности черносотенцев им противостоять.

В своей политической деятельности черносотенцы основные надежды возлагали на массовые социальные группы – крестьянство и рабочих, которых они надеялись «вырвать из рук разъедающей их крамолы» и тем самым блокировать нарастание революционных процессов в Российской империи. Но предложить для этих слоев населения что-либо более привлекательное, чем предлагала оппозиция, правые так и не смогли. Своими союзниками монархисты, не без оснований, считали купечество и мещанство, однако малочисленность и политическая неорганизованность этих сословий не позволили им сыграть существенной роли в политических баталиях этого периода.

Социальные проблемы российского общества идеологи консерватизма рассматривали сквозь призму сословности, что обуславливалось как социальной парадигмой консервативной идеологии, так и политическими целями правых. Сохраняя традиционную сословную стратификацию общества, монархисты тем самым стремились сохранить и традиционную политическую систему – самодержавие. Но вступление России в фазу капиталистического развития поставило на повестку дня новые вопросы. Существовавшая сословная система уже не могла удовлетворить усложнившиеся потребности общества, в первую очередь в сфере представительства интересов различных социальных групп. В условиях демократии функцию социального представительства выполняют политические партии. Монархисты, выступая против суще-

ствования партий как таковых, стремились передать эту функцию сословиям, под которыми они понимали организационно оформленные добровольные группы интересов. Эти социальные общности с помощью органов сословного самоуправления должны были выдвигать свои властно значимые интересы в сферу публичной политики, обеспечивая тем самым необходимый баланс групповых интересов. Данная социальная модель, предложенная Л. А. Тихомировым под названием «свободно-сословный строй» [22, с. 481], напоминает современный западный вариант плюралистической демократии, подразумевающий передачу основных полномочий по защите интересов отдельной личности социальной группе, к которой она принадлежит.

В решении социальных проблем черносотенцы следовали заимствованной у народников тактике «малых дел», предлагая ряд мер, направленных на постепенное улучшение положения народных масс. Но успех этих начинаний во многом зависел от «доброй воли» господствующих классов – помещиков и буржуазии. Поэтому, несмотря на ряд успехов (улучшение рабочего законодательства, некоторая корректировка способов осуществления столыпинской реформы и др.), изменить ситуацию в социальной сфере правым не удалось.

Жесткие рамки консервативной идеологии не позволяли монархистам предлагать какие-либо радикальные меры для разрешения хозяйственных задач страны, а их приоритетность и способы решения обуславливались, в первую очередь, политическими целями правых. В целом черносотенцы достаточно четко представляли себе экономические проблемы Российской империи и предлагали вполне адекватные способы их разрешения.

Главную проблему российской экономики – дисбаланс между аграрным и индустриальным секторами – правые намеревались решить с помощью дешевого государственного кредита, который должен способствовать перераспределению средств между промышленностью и сельским хозяйством. Уровень сельскохозяйственного производства предполагалось поднять путем повышения агрокультуры, кооперирования и кредитования мелких хозяйств, создания развитой инфраструктуры, в первую очередь элеваторов и путей сообщения, а также введения государственного контроля над торговлей сельскохозяйственной продукцией, в особенности зерном. Важным фактором повышения жизненного уровня крестьянства правые считали развитие кустарной промышленности, которая должна насытить рынок предметами потребления и создать в деревне рабочие места в периоды сезонного прекращения сельскохозяйственных работ.

Развитие промышленности монархисты ставили в прямую зависимость от развития сельского хозяйства и главным способом ее стимулирования считали рост внутреннего рынка за счет повышения покупательной способности крестьянства и пролетариата. Стремясь не допустить установления зависимости экономики страны от иностранного капитала, черносотенцы предлагали ограничить сферу его применения и способствовать переходу промышленно-

сти, финансов и торговли в «русские руки» путем «национализации» кредита и создания законодательной базы, обеспечивающей преимущества русским предпринимателям. Серьезным препятствием для развития промышленности правые считали монополии и предлагали принять против них ряд ограничительных мер. Идеологии черносотенства был свойствен этатизм, поэтому ведущую роль в развитии экономики большинство правых отводило государству, определенную роль здесь сыграла и традиционная слабость российского частного капитала. Частная собственность признавалась консерваторами священным устоем общества и ей отводилась важнейшая стимулирующая роль в экономическом развитии страны.

Сохраняя имперский характер Русского государства, черносотенцы стремились сохранить и имперский характер национальных отношений в нем, т.е. господство титульной нации и «благодарное» подчинение ей других народов, которым пребывание в составе империи должно приносить «неисчислимые блага», а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к культурным ценностям и др. Поэтому, не выступая против культурной и экономической самобытности малых народов, правые стремились затормозить их политическое развитие и тем самым блокировать процесс национального самоопределения для сохранения единства страны.

Характерной чертой монархической идеологии был антисемитизм, который для черносотенцев являлся одновременно и способом защиты своей национально-конфессиональной идентичности, и формой борьбы с революционным движением, и инструментом конкурентной борьбы в экономической сфере, и попыткой объединить массы людей, воздействуя на их инстинкты созданием образа общего врага. Своей главной задачей в еврейском вопросе черносотенцы считали сохранение исключительного законодательства в отношении евреев, надеясь тем самым минимизировать их влияние на политические процессы, проходящие в России.

Противопоставление «Россия–Запад» стало краеугольным камнем идеологических концепций русских монархистов в начале XX в. Черносотенцы исходили из видового различия двух цивилизаций, имеющих совершенно разные, а порой и противоположные формы самовыражения. В политической сфере это самодержавие и конституционализм, в экономической – сельское хозяйство и промышленность, в социальной – соборность и индивидуализм, в духовной – православие и католицизм (протестантизм). Геополитические концепции русских консерваторов, в развитие которых наибольший вклад внесли Л. А. Тихомиров и М. Ф. Таубе, можно отнести к континентальной школе геополитики, отдающей предпочтение контролю над сухопутными пространствами. Сценарии будущего, составленные М. Ф. Таубе, прошли проверку временем, в частности, он предсказал гибель Британской империи и появление сверхдержав («великодержав»), первой из которых станет «американский материк» [26, с 186–192].

Несмотря на то что внешнеполитическая доктрина правых представляла собой конгломерат мессианских идей, имперских амбиций и реальных экономических и военных интересов Российской империи, она отличалась четкой оценкой существующих реалий и взвешенностью. В отличие от либералов, выражавших экспансионистские интересы буржуазии, борющейся за новые рынки сбыта, и левых радикалов, рассчитывавших захватить власть, превратив «войну империалистическую в войну гражданскую», правые стремились не допустить втягивания России в международные конфликты, по крайней мере, до тех пор, пока ее внутреннее положение не стабилизируется, и военная мощь не достигнет уровня, адекватного стоящим перед страной внешнеполитическим задачам. Важнейшей из них правые считали расширение восточных владений империи. Но в отличие от западной цивилизации, экспансию которой на Азиатский материк обуславливали, по мнению черносотенцев, материальные интересы, российское проникновение в Азию объяснялось христианскими просветительскими целями и мессианством русского народа-богоносца. Поэтому столкновение между материализмом Запада и духовностью православной России в борьбе за гегемонию на обширных пространствах Азии правые считали неизбежным.

Важное место в идеологии черносотенного движения занимала критика либерализма и социализма. По мнению монархистов, либеральная политическая система возможна только в государстве, в основе которого лежит завоевание, приведшее общество к разделению на враждебные классы. В основе же Российской державы лежит не завоевание, а «добровольное призвание», не социальная вражда, а гармония сословий, что делает западную демократию, основанную «на политическом торге между заинтересованными сторонами» [1, 1906, 3 янв.] (властью и обществом), совершенно непригодной для русской действительности. Монархисты указывали, что в системе представительной демократии, народовластие невозможно, ибо власть будет сосредоточена в руках кучки политиканов, именующих себя представителями народа. Жестко связывая западную цивилизацию и конституционализм, черносотенцы стремились предотвратить движение России по западному пути неприятием евро-атлантической политической культуры, предполагающей широкое политическое участие народа и рассматривающей власть как результат активных действий индивида. Русские монархисты противопоставляли этому «исконную» идею отказа народа от участия в политической деятельности в пользу самодержца, власть которого имеет божественное происхождение, а отнюдь не является результатом «многomyтежного человеческого хотения».

Критика социалистической идеологии основывалась на утверждении о том, что реальные плоды социализма будут кардинально отличаться от тех радужных перспектив, которые рисуют его приверженцы. По мнению правых, социализм приведет к еще большему закреплению личности и, лишив граждан свободы, не принесет людям труда и материального благополучия. А все-

общее равенство, утверждали черносотенцы, не только не достижимо, но и вредно, так как будет препятствовать развитию общества, подавляя энергию талантливых индивидов.

Признавая необходимость введения всеобщего начального образования, монархисты стремились придать ему сугубо практическую направленность, делая акцент на ремесленных и сельскохозяйственных школах, чем хотели решить одновременно две задачи: стимулировать развитие экономики повышением уровня технической грамотности населения и сохранить сословную корпоративность гимназий и университетов для подготовки лояльных к самодержавию специалистов и чиновников. Важную роль в образовательном процессе, по мнению правых, должна играть православная церковь, закладывая в учениках фундамент верноподданнического мировоззрения.

Наибольшую тревогу черносотенцев вызывало состояние высших учебных заведений, ставших в ходе Первой русской революции вотчинами оппозиции. Первоочередными мерами в сфере высшего образования монархисты называли ликвидацию автономии университетов, способствовавшей их превращению в «революционные клубы», и увольнение оппозиционно настроенных преподавателей. Кроме того, правые настаивали на прекращении практики получения образования за границей, следствием которой являлся экспорт революционных идей в Россию.

Черносотенное движение возникло в условиях трансформации общества в разгар модернизационных процессов, охвативших Россию на переломе столетий. Если российские либералы в ответ на вызовы времени не нашли ничего лучшего, как позаимствовать, порой без должного критического осмысления, опыт европейских стран, не всегда соответствовавший потребностям страны и русской политической традиции, то консерваторы попытались предложить свой «самобытный» путь развития России. Однако распространение монархических идей в широких народных массах, в силу продолжавшейся радикализации российского общества, имело ограниченные успехи, так как правые, связанные рамками консервативной идеологии, не могли обещать населению немедленных позитивных социально-политических перемен, чем порой злоупотребляли их противники. Кроме того, в черносотенной идеологии немало было и откровенно слабых мест. Не признавая факта вступления России на путь индустриального развития, монархисты акцентировали свое внимание на социальных группах уходящего общества: крестьянах, помещиках, купцах, мещанах, ремесленниках. Реального пути решения главного вопроса русской общественной жизни – аграрного – ими так и не было предложено. В национальном вопросе лозунги правых о культурной автономии не могли соперничать с требованием права наций на самоопределение, выдвигаемым оппозицией. Использование антисемитизма в политической борьбе не могло не привести к известной маргинализации черносотенного движения и его бойкоту со стороны других политических сил.

До сих пор самым острым вопросом в историографии черносотенного движения остается правый террор. Появление его явилось ответом на политические убийства, совершаемые левыми в годы Первой русской революции. Если оппозиция рассматривала террор как действенный способ защиты населения от произвола властей, то правые – как защиту того же населения, но уже от революционного произвола. Для этой цели монархисты даже создали боевые дружины, членами которых было совершено несколько политических убийств. Учитывая значительную пропагандистскую силу революционных терактов, исполнители которых становились кумирами значительной части «прогрессивного общества», возможно, что и лидеры черносотенного движения рассчитывали громкими силовыми акциями способствовать росту популярности правых партий в среде традиционалистов. Черносотенцы совершили три или четыре политических убийства: рабочего Мухина, вступившего в боевую дружину СРН в качестве агента РСДРП, членов Государственной Думы М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса и, возможно, А. Л. Караваева. Таким образом, жертвами правого террора можно считать максимум четыре (!) человека. В то же время общее число погибших от рук революционеров-террористов, по подсчетам современной американской исследовательницы А. Ейфман, только за 1905–1910 гг. составило 7634 человека [27, с. 32]. Как видим, масштабы черносотенного террора и террора революционного не сопоставимы. А после окончания революции все черносотенные партии осудили террор. Но джин уже был выпущен из бутылки, поэтому силовые акции (не сопровождавшиеся убийствами) продолжались еще некоторое время. Объяснялось это тем, что многие боевые организации монархистов попросту не выполняли указаний своих партийных руководителей (картина, характерная не только для черносотенного лагеря), а также и тем, что в правые организации, пользуясь упрощенным порядком приема новых членов, вступали люди самых разных моральных качеств, в том числе и не самых высоких.

Не выдерживает критики и выдвинутая оппозицией и прочно закрепившаяся в публицистической литературе версия об организации погромов в октябре 1905 г. черносотенными партиями. Часть еврейских погромов вообще произошла до создания массовых правых организаций. Так, только в 1904 г., во время Русско-японской войны, по сведениям Я. С Хонигсмана и А. Я. Наймана, «в различных местностях отмечено около трех десятков погромов» [28, с. 140]. Летом 1905 г. в районе Керчи произошел погром, поводом к которому «послужило отношение евреев к поражениям России в Русско-японской войне» [6, ф. 348, оп. 1, д. 86, л. 2]. В октябре 1905 г. произошло 690 погромов в 660 населенных пунктах [29, с. 109]. К этому времени в России существовало всего три черносотенные организации, предполагавшие расширить свою деятельность на всю страну: «Русское собрание», СРЛ и РМП. Количество их сторонников исчислялось сотнями человек, большинство которых проживало в столицах. Когда черносотенное движение набрало силу, в Российской им-

перии произошли только два погрома, сравнимых по своим масштабам с октябрьскими, в Седлеце и Белостоке (лето 1906 г.). Но в Белостоке в тот период вообще не было монархических организаций, а в Седleckом Монархическом союзе русского народа числилось 140 членов [30, с. 110, 113]. При этом русское население в этих городах по численности значительно уступало польскому и еврейскому.

Правый публицист А. П. Липранди объяснял погромы 1905–1906 гг. как раз «отсутствием монархических организаций... с ростом и повсеместным распространением их погромы не усилились, а наоборот, совершенно прекратились» [31, с. 35]. Однако спустя много лет В. В. Шульгин признал косвенную вину монархистов за подобные инциденты. На допросе в 1945 г. он заявил: «...В той мере, в какой наша антисемитская деятельность могла вызвать эксцессы, носившие название погромов, мы, которых называют черносотенцами, несем за это моральную ответственность, потому что наши газетные статьи и речи, падавшие в массы, для людей, недостаточно развитых, являлись подстрекательством к погромам» [32, с. 85]. Практически теми же словами выразил свое отношение к проблеме современный американский исследователь Д. Роусон. Он подчеркнул, что хотя правые радикалы порой и организовывали единичные нападения на евреев, но все же гораздо чаще они действовали «посредством подстрекательской риторики» и несут ответственность за погромы лишь в этом смысле [33, р. 228].

И хотя борьба с оппозицией являлась одним из основных направлений деятельности черносотенных организаций, следует признать, что велась она преимущественно мирными средствами, на поле политической агитации и пропаганды. Значительное место в этой сфере деятельности правых занимали крестные ходы и молебны, практически полностью заменявшие в арсенале монархистов политические демонстрации. Учитывая религиозность населения, подобная деятельность правых, поддержанная церковью, способствовала рекрутированию новых членов в ряды движения. Депутации к монарху, челобитные на высочайшее имя, а также обращения в адрес чиновников различных уровней, являлись способом осуществления политического давления на правительственный аппарат. Отправка верноподданнических телеграмм оказывала определенное влияние на формирование общественного мнения и создавала атмосферу общественной поддержки, служа противовесом многочисленным петициям и резолюциям со стороны оппозиции. Так, в марте 1907 г. СРН инспирировал целый поток телеграмм с требованием роспуска Думы. По мнению Д. Роусона, распустить представительный орган и изменить избирательный закон Николай II решил только после того, как правые организации уверили его в широкой «всенародной» поддержке этого шага [33, р. 229]. В начале 1910 г. товарищ председателя Главного Совета СРН А. А. Римский-Корсаков предписал «всем отделам СРН обратиться к Государю Императору с челобитной о запрещении евреям проживать вне черты осед-

лости... почти единовременное получение со всех концов России массы телеграмм будет ярким доказательством, что, наконец, испытываемый нами гнет жидов делается нестерпимым» [13, ф. 116, оп. 1, д. 595, л. 38–38 об.].

Для пропаганды своих идей и воспитания населения в монархическом духе правые устраивали чтения, носящие в основном исторический или религиозно-нравственный характер, например «Подвиги св. Ольги», «Жизнь русских славян» [9, л. 200]. Черносотенная газета «Благовест» сообщала, что «чтения устраиваются во всех почти отделах и привлекают большое число посетителей» [34]. Лидеры правых совершали пропагандистские поездки по стране. Так, В. М. Пуришкевич весной 1912 г. совершил длительное турне, во время которого читал лекции «Проснувшийся Китай как угроза русскому переселенческому движению» и «Работа партии народной свободы (кадетов) в Государственной Думе над разрушением русской государственности» [13, ф. 117, оп. 1, д. 202, л. 3–3 об.].

Под эгидой черносотенных партий была также развернута широкая благотворительная деятельность. Например, 2 марта 1907 г. Ярославский отдел СРН устроил в Манеже в пользу голодающих литературное утро [11, 9 марта]. Житомирским отделом Союза «основано Русское благотворительное общество, цель которого оказывать поддержку беднейшему русскому населению» [6, ф. 442, оп. 862, д. 90, л. 11]. Ялтинский отдел СРН 27 декабря 1912 г. устроил елку для беднейших детей Ялты, на которую пришли около 600 человек [35, 1912, 8 янв.]. Член Главной Палаты СМА В. В. Казаринов выделил в своем поместье в Петроковской губернии усадьбу с угодьями и домом в 21 комнату для детей нижних чинов стражи и полиции, убитых революционерами при исполнении служебных обязанностей [13, ф. 117, оп. 1, д. 118, л. 5].

Повышенное внимание, уделяемое правыми непечатным формам политической пропаганды, объяснялось их стремлением опереться на низшие социальные слои – крестьянство, мещанство, неквалифицированных рабочих и ремесленников, уровень грамотности которых был весьма низким. Кроме того, черносотенцы всегда подчеркивали, что они являются сторонниками «малых дел», поэтому отдавали предпочтение именно делам – благотворительным акциям, ходатайствам о решении конкретных проблем и другим, считая их более эффективными, чем громкие лозунги.

Тем не менее черносотенцы развернули и достаточно широкую издательскую деятельность. К началу 1906 г., по данным «Русского знамени» и «Московских ведомостей», в России издавалось 89 газет и журналов правого и крайне правого направления [36, с. 112], а к октябрю 1908 г., по сведениям Главной Палаты Союза Михаила Архангела, их число уже превысило 120 [13, ф. 117, оп. 1, д. 81, л. 1 об.]. Большое внимание монархисты уделяли и непериодическим изданиям. По подсчетам А. В. Шевцова, общий тираж таких изданий СРЛ составил более 2 млн 520 тыс. экземпляров, СМА – около 1,3 млн [37, с. 209–210, 226].

Большинство правых газет являлось убыточными и могли существовать только за счет правительственных субсидий. Так, Н. Е. Маркову 2-му ежемесячно выделялось 12 тыс. руб., из которых 8–9 тыс. он тратил на издание своей газеты «Земщина» [15, т. 6, с. 182]. Однако правая пресса после третьего июньского переворота не уловила изменений позиции власти и не смогла перестроить тон своих публикаций, в которых по-прежнему доминировали радикальные настроения. Результатом этого стало сокращение или даже прекращение правительственного субсидирования правых газет и усиление административного давления на них. Так, «Русское знамя» с конца 1910 г. издавалось исключительно на личные средства Е. А. Полубояриновой, а сумма штрафов, наложенных на газету только за 1907 г., составила 4 тыс. руб. [19, с. 104]. В других независимых правых изданиях ситуация была аналогичной. Например, в 1911 г. редактор «Грозы» Н. В. Дунин-Борковский был оштрафован на 500 руб. В 1912 г. новый редактор П. А. Лебедев дважды подвергнут аресту на три месяца [35, 1911, 5 апр.; 1912, 16 мая].

В целом, несмотря на все усилия, достигнуть поставленной цели – не допустить распространения либеральных и социалистических идей в российском обществе и способствовать укреплению монархических принципов в сознании населения – правая печать не сумела. Главной причиной этого стала нехватка денежных средств, в изобилии имевшихся у газет либерального направления, щедро спонсируемых буржуазией. Поддержка государства, в том числе и финансовая, не смогла полностью решить эту проблему, хотя и способствовала поддержанию на плаву некоторых монархических изданий. После охлаждения отношений между правыми и властью ситуация еще более усугубилась, и тиражи черносотенных газет начали неуклонно сокращаться. Сыграли свою роль и кадровые проблемы правой прессы, испытывавшей острую нехватку квалифицированных журналистов.

Чтобы оградить подрастающее поколение от оппозиционных идей, правые стремились создавать собственные учебные заведения, главной задачей которых было воспитание учащихся в «монархическом духе». Но, несмотря на отдельные успехи в Одессе, Харькове, Казани и других городах и даже учреждение в феврале 1914 г. Всероссийского Филаретовского общества народного образования [13, ф. 117, оп. 1, д. 2, л. 42], создать широкую сеть учебных заведений под эгидой монархических партий черносотенцам так и не удалось. Объясняется это, в первую очередь, отсутствием средств, так как финансирование учебных заведений производилось за счет добровольных пожертвований, приток которых не отличался стабильностью. Трудно было найти и преподавательские кадры для школ, так как в учительской среде преобладали оппозиционные настроения.

Несмотря на то что многие монархисты активно выступали против существования в России парламента, большинство правых партий приняло самое активное участие в выборах в Государственную Думу. Однако монархические

организации (за исключением СМА и ВНС) изначально не являлись парламентскими. Поэтому оппозиционные партии, в первую очередь либеральные, в предвыборных баталиях чувствовали себя гораздо увереннее, чем монархисты, которые на электоральном поле так и не смогли одержать ни одной громкой победы всероссийского масштаба. Тем не менее доля правых депутатов в Государственной Думе увеличивалась от созыва к созыву, но объясняется это скорее политическими предпочтениями, даваемыми монархистам избирательным законом от 3 июня 1907 г., и использованием административного ресурса, а отнюдь не отточенными электоральными технологиями правых или их идеологическим доминированием над политическими оппонентами.

Черносотенцы – единственное, пожалуй, политическое объединение, развернувшее планомерную экономическую деятельность под политическими лозунгами. Коммерческая деятельность правых партий преследовала сразу несколько целей: сплочение своих сторонников и поддержание их активности в условиях спада революции, создание правым партиям имиджа «радетелей о благе народном» и экономическая борьба против «иностранцев», в первую очередь евреев. Кроме того, различными коммерческими предприятиями монархисты рассчитывали улучшить финансовое положение своих организаций, а также создать условия для оказания более действенной материальной помощи сторонникам «Черной сотни». Наиболее активную экономическую деятельность развил СРН, стремившийся к созданию различных товариществ взаимного кредита, обществ потребителей, ссудо-сберегательных касс и других, справедливо полагая, что кооперация сумеет защитить мелкого производителя и потребителя от произвола крупных предпринимателей. Наибольшую активность союзники проявляли в Юго-Западном крае, в частности в Волынской губернии, где был даже создан банк «Почаево-Волынский народный кредит» [13, ф. 116, оп. 1, д. 108, л. 3]. Губернатор в 1911 г. отмечал, что председатель Почаевского СРН архимандрит Виталий «не покладая рук стремится пропагандировать пользу кооперативных учреждений» [6, ф. 442, оп. 642, д. 497, л. 5]. В августе 1913 г. в Нижнем Новгороде был проведен съезд представителей потребительских обществ СРН и примыкающих к нему монархических организаций. Но, по признанию самих черносотенцев, съезд был немногочисленным и дать какой-либо серьезный толчок кооперативному движению так и не сумел [13, ф. 116, оп. 1, д. 23, л. 10].

В целом экономическая деятельность черносотенцев, несмотря на определенные успехи, не достигла своих основных целей: обеспечить финансирование правых партий и сделать промышленность и торговлю «исключительно русскими». Успешными были лишь те коммерческие предприятия монархистов, которые не преследовали политические цели, т.е. не противоречили экономическим законам. А различные нарушения и злоупотребления со стороны отдельных лидеров правых отнюдь не улучшали имидж монархических партий. Тем не менее деятельность черносотенцев в экономической сфере име-

ла и положительные результаты, среди которых следует выделить развитие кооперации, способствовавшей повышению жизненного уровня населения, и перенесение национализма на почву экономики, создавшее необходимые политические предпосылки для русификации промышленности.

Важное место в деятельности правых уделялось борьбе с забастовочным движением. Для этой цели использовались как агитационные приемы (например, в 1911 г. в Москве черносотенная «Группа рабочих» выпустила воззвание с призывом «не слушать революционеров, пропагандистов и не устраивать забастовок» [38, с. 339]), так и замена бастующих рабочих членами черносотенных партий (штрейкбрехерство), как, например, в Одесском порту, где в случае забастовок члены СРН «заступают места бастующих рабочих и тем делают невозможным прекращение работ» [6, ф. 419, оп. 1, д. 5829, л. 6]. Монархическим организациям в годы Первой русской революции удалось сыграть определенную роль в борьбе с забастовками, в особенности на железных дорогах, но конечные результаты этой деятельности имели в основном негативное значение для имиджа правых партий, а предприниматели, пользуясь отсутствием забастовок, снижали заработную плату рабочим, в том числе и черносотенцам.

При анализе деятельности монархических организаций бросается в глаза разнообразие ее форм и направлений (пропаганда, выборы в Государственную Думу, борьба с забастовочным движением, создание сети учебных заведений, коммерческие предприятия, благотворительность и др.). Но добиться решающих успехов ни на одном из них правым так и не удалось, что объясняется доктринальным характером черносотенных партий, для которых важнейшее значение имели идеологические принципы, порой противоречившие реальным потребностям, возникающим в процессе политической деятельности. Обусловленность тактических действий правых жесткими идеологическими рамками сузила для монархистов поле политического маневра и предопределила их конечную неудачу.

Спад накала политического противостояния в обществе после выборов в IV Думу привел к заметному снижению активности всех политических партий, в том числе и монархических. Их деятельность утрачивает былой размах, многие лидеры правых (А. И. Дубровин, Б. В. Никольский, А. И. Соболевский, А. Г. Щербатов и др.) отходят от политической деятельности. Однако начало Первой мировой войны и сопровождавший его патриотический подъем привели к некоторому оживлению деятельности монархистов, направивших свои усилия на оказание помощи армии сбором пожертвований, открытием лазаретов и т.п. Например, председатель СМА В. М. Пуришкевич фактически сложил с себя полномочия руководителя партии и создал собственный санитарный отряд, деятельность которого удостоилась похвалы Николая II. Вернувшийся к общественной деятельности А. И. Дубровин 22 октября 1914 г. выступил с призывом организовать сбор средств на нужды войны «и осуще-

ствить помощь Отечеству в более широких размерах, сообразно тем новым тяготам, которые выпали на долю Святой нашей Родины» [3, т. 2, с. 436]. Его примеру последовал А. И. Соболевский, активно участвовавший в сборе средств для оказания помощи фронту.

В ходе войны меняется внешнеполитическая ориентация русских монархистов. По свидетельству французского посла М. Палеолога, «крайне правая» вплоть до начала войны «проповедовала соглашение с германским императором» с целью «усилить православный царизм тесным союзом с прусским самовластием» [39, с. 66]. Однако после начала войны монархисты переходят на англофильские позиции, всячески открещиваясь от своей прежней внешнеполитической линии. Ярким примером является эволюция взглядов В. М. Пурешкевича [40, с. 222]. Правда, некоторые из них впоследствии вновь пересмотрели свои взгляды. Так, в феврале 1915 г. Департамент полиции сообщал, что среди правых возникло течение, выступающее за сепаратный мир с немцами из опасения, что «окончательный разгром Германии вызовет в последней государственный переворот, который в свою очередь неблагоприятно отразится и на монархических устоях в России, где под влиянием Германской Республики может тогда же вспыхнуть вторичное революционное движение» [38, с. 379]. Наиболее известным представителем этих неогерманофилов был А. И. Дубровин. Издаваемое им «Русское знамя», по словам современников, «вело себя очень часто как «Прусское знамя»» [16, т. 27, с. 298]. Его соратник П. Ф. Булацель также критиковал проанглийские настроения в обществе и даже считал, что одним из следствий сближения с Великобританией может стать превращение России в английскую колонию.

Летом 1915 г. рост политической напряженности в стране, вызванный поражениями русской армии и нарастанием оппозиционных настроений, вынудил правых нарушить принцип «священного единения» и вернуться к политической деятельности. Один из лидеров Московских монархистов В. Г. Орлов и редактор правой газеты «Колокол» В. М. Скворцов при финансовой поддержке правительства создали новую монархическую организацию – Отечественный патриотический союз (ОПС), в состав которого вошли «58 провинциальных и столичных отделов прежних монархических организаций», в основном СРН и СМА [3, т. 2, с. 443]. Устав ОПС в отличие от других правых партий допускал прием в Союз «инородцев», в том числе и евреев, что дало повод ортодоксальным черносотенцам обвинить его в измене правому делу. Таким образом, созданный с целью объединения правого лагеря ОПС лишь усугубил его раскол, подвергшись обструкции со стороны практически всех монархических организаций.

Создание в Думе либерального Прогрессивного блока (август 1915 г.) побудило «дубровинцев» – руководителя Одесского СРЛ Н. Н. Родзевича и председателя Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановича-Савицкого – выступить с инициативой проведения монархического

съезда, целью которого было бы объединение всех правых сил. Правда, сам А. И. Дубровин считал, что в настоящее время «съезд совершенно бесполезен, особенно при том разногласии и раздорах», которые переживал правый лагерь [3, т. 2, с. 446]. Общий съезд действительно провести не удалось, вместо него осенью 1915 г. было проведено два «совещания»: в Петрограде (21–23 ноября), организованное сторонниками Н. Е. Маркова 2-го, и в Нижнем Новгороде (26–29 ноября), где собрались приверженцы А. И. Дубровина. «Марковцы» сделали шаг навстречу своим оппонентам, избрав их вождем в созданный на Петроградском совещании Совет монархических съездов, а сам Н. Е. Марков 2-й даже появился на съезде «дубровинцев» в Нижнем Новгороде. Правда, импульс к этому примирению исходил извне, от властей, заинтересованных в объединении правых в качестве противовеса либеральному Прогрессивному блоку. По словам товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, «А. Н. Хвостовым и мною было устроено примирение А. И. Дубровина с Марковым» [15, т. 4, с. 128]. Однако «дубровинцы», менее склонные прислушиваться к мнению властей, на своем совещании в Нижнем Новгороде, несмотря на присутствие Н. Е. Маркова 2-го, встречного шага не сделали, и лидер «обновленцев» в созданный на этом совещании Президиум монархического движения введен не был. Правда, в дальнейшем наметилось сближение позиций враждующих сторон. Н. Е. Марков 2-й и А. И. Дубровин в течение 1916 г. не раз выступали с совместными заявлениями в печати и даже намеревались провести общий монархический съезд в Москве, однако до объединения дело так и не дошло, и Февральскую революцию правый лагерь встретил по-прежнему раздираемый противоречиями.

Таким образом, появление черносотенного движения знаменовало собой новый этап в развитии русского консерватизма, представлявший собой попытку практической реализации «снизу» теоретических положений, разрабатывавшихся в России с конца XVIII в. Необходимым условием его начала стала общемировая тенденция повышения степени влияния населения на политические процессы посредством участия в деятельности политических партий, проявившаяся на рубеже XX в. и в России.

Социальную базу черносотенного движения составляли те общественные слои и группы, для которых модернизация России по западному образцу, а тем более революционное переустройство ее социально-политической системы, означали утрату привычного окружающего мира и традиционных духовных ценностей. Подобные группы имелись практически во всех классах и сословиях российского общества. Поэтому характерной особенностью черносотенного движения стала его всесословность. И хотя объективно черносотенцы защищали в первую очередь интересы господствующих социальных групп, все же на их знаменах не было узкосословных или классовых лозунгов, а постулируемые ими ценности, основанные на христианской этике и национальной культурной традиции, носили универсальный характер. Но отсут-

ствие в российском обществе по вине высших классов даже тени социального партнерства привело к тому, что узкогрупповые интересы возобладали, и ряды черносотенного движения начали покидать представители различных сословий, привлеченные идейными установками партий, имеющих более узкую социальную базу и поэтому более полно выражающих классовые и групповые интересы своих членов. Таким образом, черносотенство в очередной раз продемонстрировало невозможность создания политического движения, артикулирующего властно значимые интересы абсолютно всех общественных классов и социальных групп.

Идеология черносотенства представляла собой попытку обоснования «самобытного» пути развития России, представлявшего собой не выбор между «Востоком» и «Западом», а признание самодостаточности независимого российского цивилизационного пространства. В его основание правые пытались положить традиционные ценности аграрного общества (коллективизм, патернализм, ведущую роль церкви в духовной жизни страны), соединенные с некоторыми элементами индустриального (развитие промышленности, расширение гражданских свобод и др.), и все это скрепить цементом русского национализма. Несмотря на определенную эклектичность, а в некоторых вопросах и откровенную реакционность, черносотенная идеология отвечала чаяниям и духовным потребностям значительной части населения Российской империи, свидетельством чему служит поддержка правых кандидатов на выборах в Государственную Думу избирателями всех курий, чего так и не удалось добиться политическим оппонентам черносотенцев.

Однако монархисты оказались перед объединенным фронтом социалистического, либерального и национально-освободительного движений. Хотя эта коалиция и не отличалась прочностью и долговечностью, все же на определенном этапе все три ее составляющие преследовали единую цель, что и обусловило поражение консервативно-охранительных сил. Кроме того, патриархально-патерналистские («Царь-батюшка», «Мир-община») и христианский («Святая Русь») архетипы, служившие основой мировоззрения черносотенства, не могли устоять под напором атеистической и индивидуалистической модернизации российского общества конца XIX – начала XX в. Разрушение этих фундаментальных для традиционной русской ментальности архетипов своим следствием имело уменьшение популярности монархических идей и ослабление правого лагеря.

Черносотенное движение возникло в годы Первой русской революции как боевая организация традиционалистов, призванная дать отпор оппозиции. Но со временем монархические партии приблизились к типу парламентских. Именно эта эволюция, направляемая действиями правительства, привела к расколу самой многочисленной правой организации – СРН, часть которого так и не смогла примириться с существованием парламента в России. Такое явление характерно для всей «Черной сотни». Правые партии, не сумевшие

приспособиться к новым условиям «думской монархии», первыми оказались на обочине политической жизни Российской империи.

И все же в начале XX в. черносотенцы служили главной (а иногда и единственной) опорой самодержавия и явились тем субъективным фактором, который позволил царизму выдержать натиск Первой русской революции. В борьбе за сохранение существующей политической системы у черносотенцев было два могучих союзника: самодержавное государство и православная церковь. Эти три силы составили своего рода триумvirат, каждый член которого мог сохранять status-quo лишь при поддержке двух других. Именно поддержка церкви и государства позволила черносотенному движению приобрести такой размах и массовость. В то же время конфликт внутри этого триумvirата, выразившийся в резком охлаждении отношений правых партий и правительства после 1907 г., ослабил всю коалицию и предопределил ее гибель в пламени будущей революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московские ведомости. – 1906.
2. Деятельность обществ // Мирный труд. – 1903. – № 5.
3. Правые партии. Документы и материалы : в 2 т. – М., 1998.
4. *Левицкий В.* Правые партии / В. Левицкий // Общественное движение в России в начале XX в. – СПб., 1914. – Т. 3, вып. 5.
5. Союз русского народа : материалы чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. – М. ; Л., 1929.
6. Центральный государственный архив Украины.
7. Вече. – 1909. – 19 мая.
8. *Шварц А. Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о государе / А. Н. Шварц. – М., 1994.
9. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. – Оп. 187. – Д. 157.
10. Третий всероссийский съезд : протоколы. – Киев, 1906.
11. Тверское Поволжье. – 1907.
12. *Степанов С. А.* Черная сотня / С. А. Степанов. – М., 2005.
13. Государственный архив Российской Федерации.
14. *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л. М. Спирин. – М., 1977.
15. Падение царского режима. – Л., 1926. – Т. 6.
16. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Изд. 5-е.
17. *Энгельгарт Н.* Черная маска / Н. Энгельгарт // Мирный труд. – 1906. – № 2.
18. *Степанов С. А.* Численность и состав черносотенных союзов и организаций / С. А. Степанов // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. – М., 1987.
19. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914) / С. А. Степанов. – М., 1992.
20. Вестник Союза русского народа. – 1911. – 2 июля.
21. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М., 1992.

22. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – М., 1998.
23. Шарапов С. Опыт русской политической программы / С. Шарапов. – М., 1905.
24. Кремль. – 1905. – 24 февр. – № 21 и 22.
25. Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности / А. В. Репников. – М., 1999.
26. Таубе М. Образование великодержавных единиц / М. Таубе // Мирный труд. – 1906. – № 3.
27. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917 : пер. с англ. / А. Гейфман. – М., 1997.
28. Хонигсман Я. С. Евреи Украины. Краткий очерк истории / Я. С. Хонигсман, А. Я. Найман. – Киев, 1993. – Ч. 1.
29. Кожин В. В. Загадочные страницы истории XX в. / В. В. Кожин. – М., 1995.
30. Правые и конституционные монархисты в России в 1907–1908 гг. // Вопросы истории. – 1997. – № 6.
31. Липранди А. П. Равноправие и еврейский вопрос / А. П. Липранди // Мирный труд. – 1910. – № 10.
32. В. В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ / предисл. А. В. Репников, В. С. Христофоров // Новая и новейшая история. – 2003. – № 4.
33. Rawson Don C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. – Cambridge, 1995.
34. Благовест. – 1909. – 21 окт.
35. Гроза.
36. Непролетарские партии России : урок истории. – М., 1984.
37. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX в. / А. В. Шевцов. – СПб., 1997.
38. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. / Ю. И. Кирьянов. – М., 2001.
39. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны : пер. с фр. / М. Палеолог. – 2-е изд. – М., 1991.
40. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич : опыт биографии правого политика / А. А. Иванов. – СПб., 1911.

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Омельянчук И. В., доктор исторических наук,
профессор

E-mail: omeliyanchuk@mail.ru

*Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletov*

Omeliyanchuk I. V., Doctor of Historical
Sciences, Professor

E-mail: omeliyanchuk@mail.ru